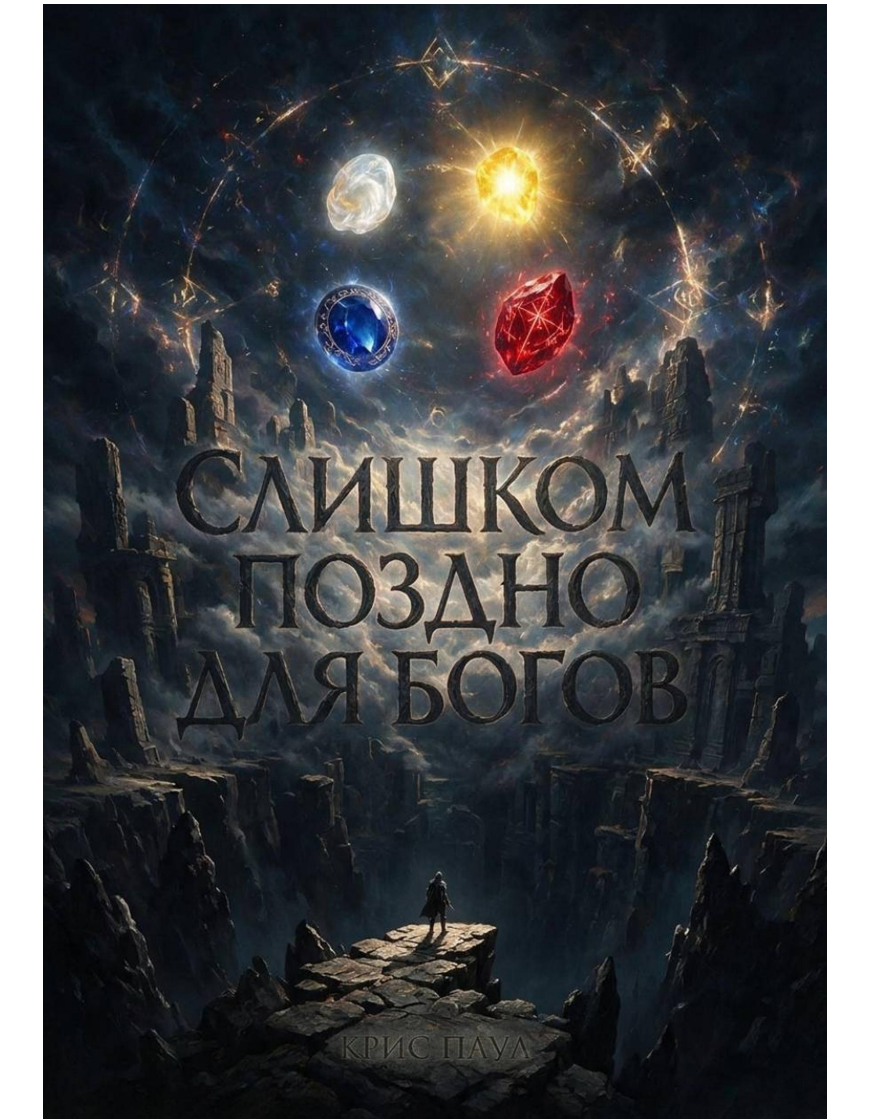

СЛИШКОМ ПОЗДНО ДЛЯ БОГОВ

КРИС ПАУЛ

Крис Паул

Слишком поздно для богов

<https://litres.ru/74366844>

SelfPub; 2026

Аннотация

Легенды врут. Великие подвиги прошлого не были красивыми, а древняя печать держалась вовсе не на благословении свыше.

Тьма возвращается. Здесь нет избранных судьбой героев, непобедимой магии или милосердия с небес. Есть только холодная сталь, запекшаяся кровь и человек, который дал слово дойти до конца.

Сколько стоит удержать мир на краю гибели? И что останется от человека, когда все битвы отгремят, а пламя превратится в холодный пепел?

Содержание

Глава 1	5
Тот, кто остался	6
Глава 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Крис Паул

Слишком поздно для богов

Глава 1

Тот, кто остался

На заре времён, когда мир был ещё юн и хрупок, не было ни законов, ни милосердия — лишь дыхание Хаоса. Воды морей кипели, и пена их была цвета пепла. Тени не подчинялись солнцу: они жили по иному закону — тянулись не от света, а к безмолвному притяжению Разлома, словно сама тьма звала их домой.

И всё же в этом мраке, как искры в дыму, начали загораться народы. Жить бок о бок с Хаосом было невозможно. Он выжигал их земли, сводил с ума и словно смеялся над самой жизнью. И тогда, когда казалось, что мир уже шепчет своё последнее «прости», правители четырёх рас собрались на самом краю мира, у чёрного зева Разлома — там, где земля обрывалась, а небо становилось тоньше, словно ткань, готовая порваться. И принесли они не тела свои в жертву, а самое дорогое: чистую частицу своей бессмертной души. Не от отчаяния, а от любви к миру, который хотел жить.

Четыре начала создали великое пламя, и из пламени этого родилась Великая Печать. Священным знаменем легла она на чёрные врата гибели. Хаос отступил, и мир обрёл покой.

Но время безжалостно: оно стирает в прах даже память. Века сменялись веками, королевства строились на костях древних героев, а подвиг четырёх превратился в детскую

сказку, которую шепчут у очага. Лишь замкнутый орден рыцарей, тихий и незаметный, из поколения в поколение передавал полузабытые слова легенды.

Замок Грейфорт, когда-то неприступный оплот южных рубежей, умирал на глазах. Всего несколько зим назад здесь звенели кубки в пиршественной зале, сотни мечей блестели на плацу, а в конюшнях били копытами породистые скакуны. Теперь же в Грейфорте не осталось жизни. Не было и надежды: она покинула эти стены, когда герцог, поджав хвост, сбежал в более безопасное место. Правда, насколько хоть какое-то место могло быть безопасным в нынешнее время, до сих пор оставалось загадкой. Вслед за ним потянулись слуги, стража, торговцы. Замок пустел комната за комнатой, пока в казармах не осталась лишь гуляющая пыль, а в оружейной — ржавые остатки клинков.

Высокие своды тянулись вверх, строгие и безжизненные, будто выстроенные не для людей, а для ветра, который теперь был единственным хозяином этих залов. Время здесь будто остановилось: в казармах — тишина, в оружейной едва ли наберётся десяток мечей, тени старых знамён покорно несут службу на холодных стенах, и только слабый свет, пробивающийся тонкой, едва живой полосой, напоминает о том, что в замке ещё кто-то есть... кто-то живой... кто-то, кто ещё не сдался.

В Грейфорте остался только один человек.

На полу библиотеки под давящим полумраком ночи, при-слонившись спиной к дубовому сундуку, сидел рыцарь. Перед ним лежали стопки манускриптов, страницы которых уже сливались в одно серое пятно. Теин не был тем воином, о котором слагают баллады. В нём не было ни ослепительной доблести, ни холодной надменности, ни той особой осанки, по которой сразу видно: «этот человек рождён, чтобы вести за собой».

Он был просто... здесь. И этого оказалось достаточно.

Печать трещала медленно, отравляя землю невидимой гнилью. Это чувствовалось не в грохоте падающих башен, а в липком, удушающем отчаянии, которое день за днём заполняло города и деревни. Огни в очагах коптели и гасли без причины. Дикие звери уходили глубоко в чащи или сходили с ума, бросаясь на скалы. Ночи стали длиннее и холоднее, а рассветы больше не приносили тепла — лишь тусклую, свинцовую мглу. В воздухе стоял тяжёлый привкус железа и застарелого пепла, давящий на виски, сводящий людей с ума тихим, непрекращающимся страхом. Мир терял опору, и Теин вместе с ним.

Когда он уже собирался сдаться и просто посидеть в тишине, взгляд зацепился за строчку в самом старом манускрипте — том, что лежал внизу стопки, забытый и неприметный:

«Когда Печать треснет и свет померкнет, ступай в место, где прошлого нет, и дай нерушимый обет. Она — голова минувших лет, там же ждёт тебя ответ».

Теин замер, и сердце, казалось, подкатило к самому горлу. Вот оно — то, ради чего он остался в Грейфорте, то, что держало его здесь, когда все остальные ушли. Не план, не заклинание, не готовая инструкция... но всё же — решение. Крошечный, едва заметный ключ к тому, что он так отчаянно искал.

Он знал: в этой библиотеке должна быть подсказка. Просто обязана быть. Ещё в детстве дед шептал ему про эти стены, про старые свитки, про ведьму, что старше самого мира, — но никогда не говорил, где её искать. И теперь Теин понимал: дед и не мог сказать. Потому что путь к ответу должен был найти он сам.

Рука невольно потянулась к груди, туда, где под слоями ткани и металла на тонком шнурке висел фамильный перстень с чёрным камнем — старый, потемневший от времени, но с до сих пор чётко различимым гербом рода в виде песочных часов с трещинами. Дед надел его ему на палец, когда Теин впервые взял в руки меч, и тихо сказал: «Он не спасёт тебя от удара. Но напомнит, ради чего ты стоишь». Теперь перстень казался не просто памятью, а обещанием, которое он не смел нарушить.

Теин поднялся и на мгновение замер, прислушиваясь к тишине библиотеки. Она больше не казалась мёртвой — скорее выжидающей, будто сама знала, что сейчас произойдёт. Он снял со стены факел; пламя дрогнуло, поймав отсвет на металле перстня, и этот крошечный серебряный блик вдруг

придал ему смелости.

Глава 2

Древние руины, поросшие странным светящимся мхом, вырастали впереди словно из ниоткуда. Между ними, среди каменных обломков, виднелась фигура — словно сотканная из теней и лунного света. Теин достиг места, отмеченного в манускрипте. Среди расколотых базальтовых камней, у старого фонтана, сидела она — Йерваэль. Её облик поражал: кожа цвета полночи, испещрённая светящимися рунами, которые пульсировали в такт её дыханию. Древняя ведьма, чья красота казалась высеченной из звёздного света.

— Ты пришёл, — произнесла она не вопросом, а утверждением. Её голос звучал как эхо древних ветров, как шёпот самой земли.

Теин склонил голову в уважительном поклоне — не из показного почтения, а из привычки уважать силу, какой бы формы она ни принимала: будь то клинок врага, приказ командира или магия, которую он понимал лишь наполовину.

— Я искал тебя, — ответил он спокойно.

Ведьма медленно обвела взглядом рыцаря, словно пытается прочесть его душу. Лицо Теина выглядело старше своих тридцати лет — на это работали и бессонные ночи, и шрамы, и глубокая складка между бровями, будто он годами не мог до конца расслабить мышцы. Тёмные волосы, слегка выющиеся, падали на лоб, придавая ему вид не столько благород-

ного воина, сколько усталого ремесленника. Доспехи рыцаря когда-то были добротными, но теперь металл потускнел и покрылся сетью мелких царапин. На нагруднике виднелось старое, неаккуратно залатанное пробитие — напоминание о дне, когда удача едва не отвернулась от него.

— Ты из рода, который веками хранил память о Печати, — начала ведьма, нежно и едва слышно, так что Теину пришлось немного наклониться к ней, чтобы хоть что-то слышать.

— Твой дед был последним, кто по-настоящему верил, что эта легенда — не просто сказка для детей. Он учил тебя не столько сражаться, сколько помнить: имена, даты, клятвы, которые другие давно забыли... Я помню... Я видела эти события и то, как зарождались легенды, которые все позабыли. — Её взгляд был спокоен, но в нём чувствовалась древняя мудрость, видевшая сотни таких историй — историй о людях, которые не искали величия, но оказывались в центре бурь.

— Твой род — хранители, — произнесла она наконец. — Вы те, кто помнит, когда другие забывают. Но память — это не только знание. Это ещё и ответственность.

Вокруг них пространство словно замерло. Руины, казалось, прислушивались к их разговору. Светящийся мох пульсировал в такт словам ведьмы, отбрасывая на камни призрачные тени. Фонтан тихо шептал что-то на забытом языке, и в его неподвижной воде отражались звёзды, которых не

было видно на небе.

— Расскажи мне, — попросил Теин. — Кто ты на самом деле?

Йерваэль улыбнулась, и в этой улыбке было больше веков, чем мог представить человек.

— Я — хранительница знаний, страж забытых тайн. Я видела рождение и гибель миров, я знаю то, что давно забыто. А ты тот, кто остался, когда все сбежали, — проговорила она тихо, почти без интонаций, будто ей уже не было дела ни до людей, ни до окружающего мира. — Тот, кто не оставил надежды.

— Если знаешь, как удержать Печать — скажи. Других попыток у этого мира не будет.

Ведьма медленно поднялась, опираясь на холодный камень.

— Я знаю кое-что. Но ничего не отдаю просто так. У всего есть своя цена... чем ты готов пожертвовать ради мира?

— Чего ты хочешь?

— У тебя есть перстень деда. Тот, с чёрным камнем и треснувшими часами. Отдай мне его. Это память, это опора — и это плата.

Теин колебался. Пальцы невольно коснулись груди под доспехом, где на простом шнурке висел перстень. Отдать его значило предать не вещь, а память. Слова деда всплыли в памяти рыцаря: «Оно напомнит, ради чего ты стоишь». И теперь он стоял здесь, перед лицом гибели мира. Отдать пер-

стенъ было единственным способом выполнить истинный обет. Рыцарь глубоко вздохнул, снял перстень и протянул его ведьме. Пальцы на мгновение задержались на чёрном камне — словно он хотел напоследок почувствовать тепло металла, впитавшее годы и слова деда.

— Пусть он послужит делу, ради которого был создан, — произнёс он наконец. Металл был тёплым от его кожи, и на мгновение Теину показалось, что он отдаёт не просто вещь, а часть себя.

Кольцо исчезло в тонких пальцах Йерваэль, а на раскрытой ладони Теина остался свёрток. Пергамент менялся на глазах: бумага истончалась, превращаясь в лоскут живой бледной плоти, пронизанной сетью мелких пульсирующих вен.

— Это не просто карта, — объяснила Йерваэль. — Это часть моей сущности, наделённая силой вести тебя. Она живая, как твоё сердце, и изменчивая, как судьба.

Она провела рукой над картой, и багровые прожилки пришли в движение, формируя образ местности. Они то утолщались, наливаясь цветом, то истончались почти до прозрачности, словно угасающая нить. Теин невольно задержал дыхание, наблюдая, как под этой странной игрой линий постепенно проступает рельеф чужих земель — не застывший, а живой, изменчивый, словно карта сама искала верный облик, примеряя разные варианты судьбы.

— Видишь эти линии? Они не просто показывают путь.

Каждая прожилка — это след твоего предназначения, каждый изгиб — выбор, который тебе предстоит сделать. Чтобы использовать её, тебе нужно научиться слушать. Карта говорит на языке крови и судьбы. Она покажет тебе путь, но только если ты будешь достоин его увидеть.

Теин принял дар, чувствуя, как карта теплеет в его руках. Она была тяжёлой, словно несла в себе груз времён.

— Теперь ты знаешь путь, — произнесла ведьма. — Но помни: карта покажет дорогу, а выбор всегда остаётся за тобой.

Когда Теин повернулся, чтобы уйти, ведьма добавила:

— Путь будет нелёгким. И помни: артефакты не спасут мир сами по себе. Его должен удержать тот, кто готов заплатить настоящую цену.

Теин ушёл, держа в руках карту, что шепчет тропы. Он знал, что это только начало его пути, но теперь у него был шанс изменить судьбу мира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.